

НЕ ИСЧЕРПАЕМАЯ

ЯЖИМАНКА

В ЦЕНТРЕ МОСКВЫ
В СЕРДЦЕВИНЕ
ИСТОРИИ

Борис Арсеньев

**Неисчерпаемая Якиманка.
В центре Москвы – в
сердцевине истории**

«Центрполиграф»

2014

Арсеньев Б. В.

Неисчерпаемая Якиманка. В центре Москвы – в сердцевине истории / Б. В. Арсеньев — «Центрполиграф», 2014

Якиманка лежит в самом сердце столицы – напротив Кремля за Москвой-рекой. Она, кажется, вместила в себя целый мир – улицы, площади, дома, парки, события, судьбы, явления, замыслы, традиции, курьезы, легенды и тайны... Она переполнена достопримечательностями. Среди них архитектурные памятники и целые ансамбли семи столетий – с XV по XXI. Многие сооружения Якиманки давно признаны хрестоматийными, неизменно включаются в архитектурные справочники и энциклопедии.

Содержание

Вступление	6
Парадные ворота Якиманки	18
Верхние Садовники. Стрелка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Борис Арсеньев
Неисчерпаемая Якиманка. В центре
Москвы – в сердцевине истории

© Арсеньев Б.В., текст, 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2014

Вступление У подножия Кремля

Осенней ночью с 3 на 4 ноября 1969 г. в центре Москвы прогремел взрыв. В груды обломков превратились стены и своды древнего здания. Так, во исполнение планов реконструкции столицы, был окончательно разрушен давно закрытый и обезображенный храм Святых праведных Богоотец Иоакима и Анны. Именно он, осенявший свое место несколько столетий, дал название старинной московской улице Якиманке, а она, в свою очередь, административной единице – Якиманской части. Прошли годы, изменились времена... Сегодня в Москве, в ее Центральном административном округе, есть муниципальный район Якиманка. О нем и пойдет речь в этой книге.

Якиманка лежит в самом сердце столицы напротив Кремля за Москвой-рекой. Район невелик – один из самых маленьких в огромном многомиллионном мегаполисе. Население – 26 тысяч жителей, площадь – 483 га. Пешеход пройдет Якиманку из конца в конец, от Болотной площади до окраины Нескучного сада, всего за полтора часа. Познавать же этот малый кусочек исконно московской земли можно всю жизнь – настолько велика здесь концентрация истории, насыщена культурная среда. Якиманка, кажется, вместила в себя целый мир – улицы, площади, дома, парки, события, судьбы, явления, замыслы, традиции, курьезы, легенды и тайны... Она переполнена достопримечательностями. Среди них архитектурные памятники и целые ансамбли семи столетий – с XV по XXI. Своими творениями здесь представлены лучшие зодчие разных эпох. Палаты Аверкия Кириллова с церковью Николая на Берсеневке, храмы Воскресения в Кадашах, Григория Неокесарийского, Иоанна Воина, 1-я Градская больница, Марфо-Мариинская обитель, особняк Игумнова, Дом на набережной с кинотеатром «Ударник», Крымский мост... – многие сооружения Якиманки давно признаны хрестоматийными, неизменно включаются в архитектурные справочники и энциклопедии. Магистралы, площади, скверы и даже речную гладь украшают монументы – от самого большого в столице 98-метрового «В ознаменование 300-летия Российского флота» на островке у Стрелки до миниатюрного памятника писателю И.С. Шмелеву. Якиманский пейзаж оживляют колоритные детали – художественные решетки, рельефы, керамические фризы, фигурные фонари и даже необычные крышки канализационных люков...

Сама планировочная структура района – памятник градостроительства. Наш современник едва ли заблудится в лабиринтах Якиманки, пользуясь самым первым геодезическим планом Москвы, составленным еще в 1739 г. под руководством зодчего Ивана Мичурин. Человек же прошлого, явись он в наш век, наверное, узнал бы некоторые здешние уголки – Кадаши, Берсеневку, Софийскую набережную, Ордынку, Нескучный сад... Несмотря на утраты, перманентную реконструкцию, еще сохранились целые кварталы старинной застройки – осколки Москвы-матушки. Ее панорама с высот Кремля, некогда завораживавшая и русских людей, и иноземцев, по-прежнему узнаваема. Якиманка воплотила в себе, пожалуй, в большей полноте, чем другие районы, особенность Москвы – развиваясь и бесконечно изменяясь, воспроизводить в своем облике извечные черты – цветущее многообразие, пестроту, контрастность впечатлений... «И то, что зрелость до потопа, в тебе еще и ныне зрим», – писал о древней столице князь Петр Вяземский еще в 1858 г. И добавлял: «Разнообразие – красота».

Ревнителям классической гармонии Якиманка может показаться архитектурной какофонией, градостроительным хаосом. Но в этой контрастной мозаике – своя привлекательность, острота впечатлений. Сверхсовременные «билдинги» соседствуют с ампирическими особнячками, громохочущие магистралы с тихими дворцами и закоулками. Из тесноты плотно застроенных кварталов вдруг попадаешь на простор Москвы-реки и Водоотводного канала, через кото-

рые в пределах района перекинуто 12 мостов – один красивее другого. Ведь вдоль прибрежной полосы, которую в старину занимали заливные луга, Государев сад и аристократические усадьбы, протянулась уникальная цепь зеленых пространств – сквер на Болоте, парк искусств «Музеон», ЦПКиО имени Горького с Нескучным садом. Вместе с внутриквартальными и уличными островками живой природы – это 14 га, четверть площади всей Якиманки. Она – самый зеленый район московского центра. Правда, иные кварталы похожи на каменные мешки.

Улица Большая Якиманка

Якиманка – не просто архитектурное пространство. Она прежде всего пространство большого исторического времени. От обыденности до истории здесь – один шаг. Рассказ о Якиманке – это не только повествование о патриархальной купеческо-мещанской старине, об исконно московском житье-бытье под мирный перезвон замоскворецких колоколов. Многие из того, что совершалось и совершается здесь, долгим эхом отзывается в стране и мире. В свою очередь, мировые события и явления оставляют глубокий след на якиманской земле. Район в сердце Москвы оказался и в эпицентре истории с ее бурениями, взлетами, катастрофами, смутами и прозрениями. В анналах Якиманки имена всех отечественных правителей от великих московских князей, царей, императоров и императриц всероссийских до советских генсеков и президентов новой России. Оставляли здесь память по себе и зарубежные лидеры – Наполеон, Черчилль, де Голль... Для российской государственности, политической и общественной жизни Якиманка была и остается значимым местом. Дом на набережной или Болотная площадь превратились в символы эпох и явлений.

В якиманских летописях есть страницы суровые, огненные, ратные. Здесь порой разыгрывались сражения с иноземными недругами, сходились на междоусобную брань соотечественники во времена смут и революций. В древности Замоскворечье представляло собой крупнейшее военное поселение, где дислоцировались иностранные наемники, а затем москов-

ские стрельцы. В XVIII–XIX вв. здесь жили выдающиеся полководцы и флотоводцы императорской России, а в советское время – не менее 20 маршалов и полных адмиралов, среди них Г.К. Жуков, И.С. Конев, М.Н. Тухачевский, И.Х. Баграмян, Н.Г. Кузнецов, И.С. Исаков, С.Г. Горшков. В тихих якиманских переулках создавалось и совершенствовалось отечественное ядерное оружие.

Замоскворечье, Якиманская часть – родные места российского предпринимательства. Оно зарождалось в недрах богатейших слобод – Кадашевской и Садовой. Позднее на Якиманке пустили глубокие корни именитые купеческие фамилии Бродниковых и Алексеевых, Лепешкиных и Бахрушиных, Третьяковых и Рябушинских... Сегодня район переполнен офисами компаний, в том числе крупнейших.

Старое патриархальное Замоскворечье в просвещенной среде имело репутацию «темного царства» – вовсе не заслуженную. Интеллектуальная и культурная жизнь здесь всегда была напряженной. В этих краях создавал свой замечательный ботанический сад Прокофий Демидов, а Владимир Аршинов организовывал первый в России частный научный институт. С районом связаны имена великих ученых и конструкторов. На его территории в Нескучном дворце с 1934 г. располагается Президиум Академии наук. На Якиманке несколько высших учебных заведений, научных институтов и конструкторских бюро.

Храм Святого благоверного царевича Димитрия при 1-й Градской больнице

Якиманские адреса и сюжеты мелькают на страницах произведений и летописи русской литературы, в биографиях А.С. Пушкина и И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и А.Н. Островского, А.П. Чехова и О.Э. Мандельштама, Б.Л. Пастернака и А.А. Ахматовой... Музыка, театр, кино, изобразительное искусство составляют мощный культурный пласт района. Именно здесь, в купеческом Замоскворечье, родилось крупнейшее начинание отечественной культуры – Третьяковская галерея. На современной Якиманке работают несколько музеев, выставочных залов и Центральный дом художника.

Еще одна особенная черта района, дошедшая из глубины веков, несмотря на все коллизии истории, – насыщенность церковной жизни. Здесь ныне действуют 24 храма и часовни. Такой их концентрации на душу населения нет ни в одном другом районе Москвы. Святыням

этим, как правило, не одна сотня лет. Якиманка – место древнее, намоленное, благословенное... Здесь всегда были сильны традиции благотворительности и милосердия. Их памятниками остаются 1-я Градская и Голицынская (ныне – корпус 1-й Градской) больницы, Марфо-Мариинская обитель... Сегодня в районе есть Музей российских предпринимателей, благотворителей и меценатов.

Огромное культурно-историческое и духовное наследие Якиманки накапливалось столетиями... Под 1365 г. летописец записал: «Загореся церковь Всехъ Святыхъ и отъ того погоре весь градъ Москва, и посадъ, и Кремль, и Загорodie, и Заречье». Так, в сообщении о великом Всехсвятском пожаре впервые в письменных источниках упоминается о районе за Москвой-рекой – Заречье, Замоскворечье, исторической частью которого является Якиманка. Однако предыстория этих мест простирается в гораздо более глубокую древность. На территории Якиманки, прямо напротив Кремля, обнаружены каменные топоры четырехтысячелетнего возраста, а в Нескучном саду – славянские курганы и селища. В XII в. по этим краям, переходя Москву-реку бродом близ устья Неглинной, пролежала большая дорога из Великого Новгорода через Волок Ламский в южнорусские земли – в Чернигов и Киев. Стратегически важный перекресток речных и сухопутных путей на пограничье Ростово-Суздальского княжества призвана была охранять крепость на Боровицком холме. Москва расширялась, обрастала посадками. Но местность за рекой заселялась медленнее других кремлевских окрестностей. Тому было несколько причин. Своенравная, бурная в половодье Москва-река изолировала район от ядра города. Постоянных мостов на ней не было вплоть до конца XVII столетия – одни наплавные – «живые», не слишком надежные. Низменное Замоскворечье постоянно страдало от наводнений, оставлявших после себя старицы, болота, бочаги-озерки. Наконец, эта ровная, не имевшая естественных рубежей местность была плохо приспособлена для обороны. Ее не укрепляли, и в годы лихолетий немногочисленное население Заречья уходило на другой берег в белокаменный Кремль, постройки же сжигались, чтобы не дать неприятелю укрытия и материалы для осадных приспособлений. Такое повторялось не раз: в 1368 и 1369 гг., когда Москву осаждал великий князь литовский Ольгерд Гедиминович, и в 1382 г. во время нашествия золотоордынского хана Тохтамыша, и в 1409 г., когда к стольному граду подступил Едигей, и в 1451 г. – в дни «скорой татарщины» царевича Мазовши.

Долгое время Заречье служило сельскохозяйственным пригородом Москвы. На прибрежных лугах выпасали великокняжеских лошадей, чуть дальше от реки появились уже пашенные угодья – всполья. С XIV в. здесь известно село Хвостовское. Густой хвойный лес, изначально покрывавший Заречье, постепенно отступал. С XV в. дошли сведения о монастырях Иоанна Предтечи под Бором и Рождества Богородицы в Голутвине, о селце Колчевском, о нескольких существующих и поныне храмах, тогда еще деревянных. Заселению и освоению южного московского предградья способствовало то, что через него от столицы великого княжения прошли оживленные торговые и военные дороги на Коломну, Серпухов и далее в Орду, а также в Боровск и Калугу. За рекой поселили и «ордынцев» – обслугу татарских посольств.

В 1493 г. произошло событие, оказавшее большое воздействие на судьбу Замоскворечья. Великий князь Иван III, отстраивая заново кремлевскую цитадель и создавая вокруг нее оборонительный и противопожарный плацдарм, повелел разбить за Москвой-рекой огромный плодовый сад. По сторонам его тремя большими слободами были поселены государевы садовники. Южнее, за старицей, издавна располагалось село Кадашево, впоследствии знаменитая Кадашевская хамовная слобода. Впрочем, коренные москвичи, видимо, не слишком жаловали эти отдаленные, опасные и малоосвоенные места. Сюда селили «сведенцев» – насильственных переселенцев из покоренного Великого Новгорода. Василий III расквартировал здесь в слободе Наливки иноземных воинов-наемников, наделив их немалыми привилегиями.

Повседневную жизнь предместья нарушали пожары, эпидемии. В царствование Ивана Грозного в мае 1571 г. к Москве внезапно подступило 120-тысячное войско крымского хана

Девлет-Гирея. Русская рать князя И.Д. Бельского успела преградить путь недругу в Замоскворечье. Большой полк встал на Большой улице (вероятно, Ордынке), полк правой руки – «в Якиманской улице», а передовой полк – на «Ногайскому лугу против Крутиц» (район современного Павелецкого вокзала). «И под Москвою бояре и воеводы билися...» – сообщает Разрядная книга. Иван Бельский был ранен, но татары не смогли прорваться в город. Тогда хан приказал поджечь неукрепленные посады. Выгорела вся Москва, тысячи людей погибли в огне и дыму, утонули, пытаясь спастись в реке.

Едва Царствующий град оправился от разорения, в 1591 г. на его подступы явилось новое крымское войско – хана Казы-Гирея. Его удалось отбить в сражении между Калужской и Серпуховской дорогами, но стала очевидной необходимость укрепления разросшихся московских посадов. По указу царя Федора Ивановича и под руководством боярина Бориса Годунова всего за полтора года был сооружен оборонительный пояс в виде многокилометровой деревянной стены со множеством башен. За скорость постройки его прозвали Скородомом.

Казалось, Заречье получило надежную защиту. Но крепостные твердыни оказались бессильны, когда Московское государство постигла Смута – глубочайший системный кризис, осложненный иноземным вмешательством. Правда, ни поставцы Ивана Болотникова в 1606 г., ни позднее Тушинский вор (Лжедмитрий II) не смогли взять столицу. Но в 1610 г. в Москве без боя водворился 8-тысячный польско-литовский гарнизон, приглашенный московскими боярами, присягнувшими королевичу Владиславу. Весной 1611 г. Заречье стало полем жестоких боев восставших москвичей, воинов Первого земского ополчения и казаков с интервентами, которые, пытаясь избежать блокады, сожгли Скородом. Именно отсюда, с юга, смог прорваться на помощь осажденным полякам отряд Сапеги. Летом 1612 г. оккупированную Москву обложило Второе ополчение К. Минина и Д. Пожарского – 10 тысяч конных дворян, стрельцов, служилых татар, вооруженных крестьян и посадских людей, а также казаки Д. Трубецкого. Одновременно с запада к столице приблизилось 12-тысячное войско шляхтичей, немецких и венгерских наемников и запорожцев гетмана литовского Яна Кароля Ходкевича с огромным обозом для снабжения Кремлевского гарнизона. 22 и 24 августа развернулись тяжелые бои. Главные события произошли в Заречье – на пепелище Скородома, в казачьих острожках рядом с храмами Георгия и Климента, близ церкви Екатерины Мученицы на Ордынке у Крымского брода и Крымского двора. Ходкевич был отбит. Это сражение, полузабытое ныне и никак не увековеченное в столице, сыграло огромную роль в судьбе России. Победа в нем предопределила скорое освобождение Москвы от интервентов и в конечном счете преодоление Смуты.

После лихолетья начала XVII в. выжженное и опустошенное Заречье возродилось, словно феникс. Новый грандиозный оборонительный пояс вокруг Москвы – Земляной город с каменными башнями Калужских и Серпуховских ворот – дал жителям посадов неведомое ранее ощущение защищенности, стабильности. Его не могли развеять ни частные пожары, ни бунты, ни страшная эпидемия чумы, ополовинившая в середине столетия население Белокаменной. В период своего расцвета вошли замоскворецкие слободы – привилегированные дворцовые Садовая, Кадашевская, Конюшенная Малых Лужников, тяговая «черная» Голутвинская. Многие храмы, прежде деревянные, оделись в камень, украсились кирпичным и белокаменным узорочьем и изразцами. В усадьбах богатых слобожан появились каменные палаты. Был сооружен огромный Кадашевский хамовный (ткацкий) двор. Заречье, ранее менявшее свой облик после каждого большого пожара, теперь строилось на века. Закреплялась его планировка. Главные улицы, начинаясь с москворецких переправ, стягивались к воротам Земляного города, формировалась сеть внутрислободских и межслободских проездов, торговых площадей. Заречье по-прежнему оставалось большим военным поселением. Здесь дислоцировалось до шести стрелецких приказов (полков), расквартированных в слободах и охранявших укрепления Земляного вала. Были здесь и слободы Казачья и Старая Панская, где жили иноземцы на службе царя. Иноплеменников в этих краях селилось немало. Существовала большая Татар-

ская слобода, на Крымском дворе останавливались посольства и торговцы из ханского Крыма. За Калужскими воротами возникло единственное в городе мусульманское кладбище.

При этом Заречье все еще оставалось отдаленной окраиной Москвы. Очередное судьбоносное для него градостроительное событие произошло на исходе XVII столетия. Была создана надежная связь центра с южным предместьем. Эпоха Петра I принесла району большие перемены. Изменился состав населения. Мятежное стрелецкое войско было выселено из Москвы и упразднено. В Заречье стало все активнее внедряться дворянство. Аристократические усадьбы появились и на живописном крутобережье Москвы-реки за Калужскими воротами. В 1701 г. сгорел Государев сад, началась застройка Софийской набережной напротив Кремля. По воле Петра сооружаются крупнейшие производственные и складские комплексы – Суконный, Винный и Житный дворы. В XVIII в. в Замоскворечье вторгается бурный дух барокко. Новые европейские культурные веяния проникают и в архитектуру, и в городской быт. Строятся великолепные храмы и палаты. По случаю военных викторий и коронаций по замоскворецким улицам шествуют триумфальные процессии, на Царицыном лугу против Кремля устраиваются грандиозные фейерверки.

Водоотводный канал

Век Просвещения не мог мириться с хаосом древней Москвы. Предпринимались попытки регулирования градостроительных процессов на рациональных началах. В составленном по указу Екатерины II в 1775 г. «Прожектированном плане» реконструкции Москвы немало внимание уделялось и Замоскворечью. Его, в частности, предполагалось обезопасить от постоянных наводнений, проложив по древней старице Водоотводный канал. Это удалось осуществить лишь частично и спустя много лет. Так образовался остров напротив Кремля.

В 1782 г. Москва в рамках административной реформы была разделена на 20 полицейских частей. Три из них располагались в Замоскворечье. В 1797 г. они получили названия

по главным улицам. Так появились Якиманская, Пятницкая и Серпуховская части. К началу XIX столетия в них было уже немало прекрасных каменных зданий, к созданию которых приложили руку лучшие зодчие эпохи классицизма – В. Баженов, М. Казаков, А. Бакарев... Но 3/4 домов оставались еще деревянными. В 1812 г., когда в Москву вступила Великая армия Наполеона, Замоскворечье почти полностью погребло в огне пожара. В Якиманской части на 474 дома он не затронул только 39, то есть 8,2 процента. А в соседней Пятницкой уцелел лишь 1 процент застройки! Гораздо лучше дела обстояли в Серпуховской части. Здесь сохранилось 57 процентов домов. Мимо дымившихся развалин и редких нетронутых пожаром зданий по Якиманке и Калужской уводил из Москвы свою армию Наполеон.

Вновь, уже в который раз за свою историю, Замоскворечью пришлось восставать из пепла. Возродилось оно быстрее большинства других районов города – главным образом за счет состоятельного и оборотистого купечества. В послепожарное время купцы и мещане неуклонно вытесняли дворянство из этих мест. Они вместе с духовенством многочисленных здешних церквей и рабочими местных предприятий, недавними крестьянами, определяли социальное лицо Замоскворечья, его внешний облик и особый уклад жизни – старозаветный, далекий от столичной суеты и светской моды. Контраст этот был хорошо замечен современникам.

*А перейдешь чрез Крымский брод —
Другой язык, другой народ!*

(Филимонов В.С. Москва. 1882)

Тем не менее район постепенно интегрировался в состав городского центра. В XIX в. были построены новые постоянные мосты через Москву-реку и Водоотводный канал Большой и Малый Каменные, Москворецкий, Чугунный, Крымский, облицована камнем Софийская набережная, созданы ансамбли Болотной, Серпуховской и Калужской площадей. В 1820–1830 гг. Москва опоясалась новой кольцевой магистралью, проложенной на месте древнего Земляного вала. Так образовалось Садовое кольцо. Территории за ним, прежде малоосвоенные, теперь интенсивно застраивались. Там появились объекты большой социальной значимости, такие как градская больница и мещанские училища за Калужскими воротами.

Болотная площадь

Индустриальная революция второй половины XIX – начала XX в., стремительные перемены во всех сферах жизни преобразили Москву. «Ворвался Манчестер в Царь-град...» – удивлялся Петр Вяземский еще в самом начале процесса. Не могло устоять под напором прогресса и патриархальное Замоскворечье. В нем множились промышленные предприятия – от первоклассных, европейски известных, таких как кондитерская фабрика «Эйнем», машиностроительный завод Густава Листа и Голутвинская мануфактура, до ничтожных полукустарных мастерских. По главным улицам прошли линии конно-железной дороги (конки), а затем и трамвая, для энергоснабжения которого на Болотной набережной была построена главная электростанция, вынашивались планы сооружения метро. Замоскворечье – вотчина купечества – стало одним из плацдармов молодого и пассионарного российского капитализма. Здесь строит свое огромное гостинично-деловое подворье В.А. Кокорев, открывается первый в Москве частный коммерческий банк – Купеческий. Символами побеждающего прогресса воспринимались не только новейшие канализации и водопровод, здания в модных архитектурных стилях эклектики, модерна и неоклассицизма, но и галерея русских художников П.М. Третьякова, и дом бесплатных квартир братьев Бахрушиных на Софийской набережной, и многочисленные благотворительные заведения, и даже первый спортивный яхт-клуб на Стрелке. Замоскворечье по примеру европейских городов все больше застраивается многоэтажными доходными домами и импозантными частными особняками. В жизни района заметнее проявляется культурная составляющая. Он становится интеллигентнее. Новое иногда мирно сосуществовало со старым, но все чаще вступало с ним в противоречие, которое проявлялось и в разрушении традиционной городской среды, и в острых социальных конфликтах.

1917 г. взорвал уже непрочный мир Замоскворечья. Его, как и всю страну, начали кроить и перекраивать по лекалам новой утопии. Разрушение и созидание шло рука об руку. С первых советских лет якиманская часть Замоскворецкого района Москвы (с 1930 г. – Ленинского, с

1968 г. – Октябрьского) воспринималась площадкой градостроительных экспериментов большого масштаба. Его прибрежная полоса во всех планах реконструкции и развития Москвы отводилась под парковую зону, элемент зеленого клина от Воробьевых гор в центр столицы. В 1923 г. здесь был осуществлен первый крупный градостроительный проект Москвы советской – Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. Позднее на этом месте возник Центральный парк культуры и отдыха – тоже первый в СССР. В 1927–1931 гг. у Большого Каменного моста было построено первое советское элитное жилое здание – Дом ЦИК – СНК СССР (Дом на набережной) – самое большое в тогдашней Европе. Здесь поселились те, кто творил историю и вскоре стал ее жертвой. Впоследствии поблизости появились дома писателей, кинематографистов, работников Академии наук. Коренные преобразования сулил району сталинский план реконструкции Москвы, принятый в 1935 г. Некоторые из них осуществились. Так, в результате создания новой москворецкой водной системы набережные оделись в гранит, были заново сооружены основные мосты, решена извечно актуальная для Замоскворечья проблема наводнений. Другие предназначения удалось реализовать частично. Основные же, к счастью, остались на бумаге, например пробивка Южного проспекта по Большой Ордынке, продолжение Бульварного кольца за Москвой-рекой, грозившие полным разрушением исторической среды района. И все же утраты оказались значительны: из 50 храмов старого Замоскворечья погибли свыше 20, были снесены многие памятники архитектуры и целые кварталы старинных домов.

Кинотеатр «Ударник»

Великая Отечественная война и перенос в послевоенные годы акцента на массовое жилищное строительство на окраинах столицы затормозили обновление центральных районов. Старое Замоскворечье, Якиманка на какое-то время словно законсервировались в своем подлинном, хотя и дряхлевшем, облике. Лишь с конца 1960-х гг. вновь завертелось, все убыстря-

ясь, колесо реконструкции. За несколько десятилетий стали почти неузнаваемы Большая Якиманка, Коровий Вал, Житная, Калужская площадь, Шаболовка, Ленинский проспект. Исчезли многие исторические панорамы. В результате точечной застройки, значительного повышения этажности зданий изменилась сама градостроительная структура района. Она уплотнилась, приобрела несвойственный ей прежде масштаб, стала терять свой гуманизм, соразмерность и созвучие человеку, свою самобытность. Несмотря на то что еще в 1970-х гг. несколько замоскворецких кварталов были объявлены заповедной зоной, где ограничивалась градостроительная деятельность, развернулась реставрация памятников старины, архитектурно-историческое наследие района продолжает оскудевать. Сносятся ценные здания, другие ветшают. В последнее время их часто заменяют новоделами – муляжами. Советский период оставил в этих местах ряд «памятников» в виде типовых панельных и блочных домов и громоздких административных зданий, постсоветская эпоха – образцы «коммерческой» архитектуры – элитные жилые и офисные комплексы, особняки, порой весьма эффектные, но, как правило, чуждые местному пейзажу.

Фабрика «Эйнем», ныне «Красный Октябрь»

В 1990 – 2000-х гг. скромная уютная Якиманка, выделившаяся в самостоятельный муниципальный район, окончательно втягивается в структуру центра московского мегаполиса. Сюда проникают столичный размах, лоск и роскошь. Из района выводятся почти все промышленные предприятия – свыше 50. Среди них старожилы Якиманской части – «Красный Октябрь» («Эйнем»), «Красный факел» (завод Густава Листа), «Красный текстильщик» (Голутвинская мануфактура). Осуществляются большие проекты общегородского и даже общенационального значения – реконструкция Третьяковской галереи и создание вокруг нее пешеходной зоны, строительство Патриаршего моста перед храмом Христа Спасителя, сооружение памятника 300-летию Российского флота (Петру I), обустройство парка

искусств «Музеон»... На очереди – кардинальное преобразование всего замоскворецкого острова. Обсуждаются и еще более грандиозные планы. Сегодня Якиманка в своем стремительном обновлении подошла к рубежу, за которым либо полная утрата своего особого лица и души, либо обретение нового образа, сочетающего черты традиции и современности. Тем актуальнее становится задача освоения культурно-исторического наследия района. За последние десятилетия эту тему затрагивали несколько изданий. В их числе путеводитель «Якиманка», неоднократно переиздававшийся. В книге О.Р. Шмидт «Замоскворечье. Якиманская часть» квартал за кварталом описывается историческая территория в пределах Садового кольца. Обстоятельные рассказы о достопримечательностях этих мест можно найти в работах С.К. Романюка и О.А. Иванова. В издании «Памятники архитектуры Москвы: Замоскворечье» содержится научный анализ ряда сооружений района и его градостроительного развития в целом. В 2007 и 2009 гг. вышли в свет два тома первой в столице энциклопедии одного района «Якиманка от А до Я», созданной автором этих строк совместно с А.Д. Гадасиной.

Предлагаемая читателю книга – это подробное обозрение колоритнейшего уголка Москвы в его прошлом и настоящем. Оно составлено на основе новых изысканий и с учетом последних изменений, произошедших на Якиманке. Путеводитель охватывает все 67 улиц, переулков, площадей, проспектов, набережных, проездов и тупиков района, большинство его зданий, а также мосты, парки, скверы, монументы, мемориальные доски и другие достопамятности. При этом книга не претендует на исчерпывающую полноту. Ведь Якиманка, как и сама Москва, неисчерпаема...

Парадные ворота Якиманки

В края якиманские ведут разные пути. Парадный подъезд – это Большой Каменный мост. От стен Кремля с Боровицкой площади он стремительно и властно шагает через неширокую здесь Москву-реку и ее набережные на улицу Серафимовича, бывшую Всехсвятскую. Монументальное детище сталинской эпохи, памятник «большого стиля», мост сотворен из стали, бетона и гранита с претензией на вечность. Убедительный архитектурный образ словно затмил память этого места. Она между тем огромна...

Издревле здесь на Москве-реке, чуть выше устья Неглинной, существовал удобный каменный брод. Через него пролегла Волоцкая дорога, связывавшая Новгород Великий с Рязанью, Черниговом, Киевом. Именно по ней весной 1147 г. возвращался в свои владения князь Святослав Ольгович после знаменитой встречи с Юрием Долгоруким, которая дала повод для первого упоминания в летописи о Москве. Так, во всяком случае, полагал известный москвовед П.В. Сытин. Торговой магистралью, ответвлением великого Балтийско-Волжско-Донского водного пути была и сама Москва-река. На ее левобережье Волоцкую дорогу пересекала другая, соединявшая Смоленское княжество с Ростово-Суздальской землей. Вот этот стратегический перекресток водных и сухопутных путей и призвана была охранять крепость Москвы на близлежащем Боровицком холме.

Постепенно город разрастался. Надо полагать, что на москворецком броде выше Неглинной ежегодно наводили деревянный наплавной мост. На первых московских планах он не показан. Но еще в XV в. венецианские дипломаты И. Барбаро и А. Кантарини насчитали на Москве-реке «несколько» и даже «множество» мостов, один из которых вполне мог дополнять оживленный брод.

Большой Каменный мост

Идея сооружения капитальной всепогодной переправы созрела лишь в XVII в. После преодоления последствий Смутного времени в Заречье под защитой нового Земляного вала

росли и богатели ремесленные и военные свободы, заметно увеличилось население. Стала очевидной необходимость наладить надежную связь этих мест с ядром города. Решено было строить каменный мост – первый на Москве-реке. Задача оказалась чрезвычайно сложной. Опыт такого строительства в России был тогда весьма скромнен. Москва могла похвастаться всего двумя кирпичными мостами – у Троицких ворот Кремля через Неглинную и у Спасских – через крепостной ров. Оба были построены еще в начале XVI в. итальянскими зодчими. Масштаб и сложность предполагавшегося сооружения на Москве-реке не шли с ними ни в какое сравнение. Поэтому вновь обратились к иноземному опыту. В 1643 г. из Страсбурга выписали «палатного мастера» Анце Кристлера. Он прибыл со своим дядей-подмастерьем и привез с собой строительные инструменты – ворота, блоки, кирки и многое другое, вплоть до медной обжигательной печи. Под наблюдением мастера русские дворцовые плотники изготовили деревянную модель моста. 31 июля 1644 г. дьяки Посольского приказа Григорий Львов и Степан Кудрявцев осмотрели ее, а также «чертеж на три статьи».

Комиссию особенно интересовало, устоит ли мост во время сильного ледохода и выдержит ли перевозку тяжелой артиллерии. Кристлер дал утвердительные разъяснения. В тот же день модель осмотрел сам царь Михаил Федорович. Началась было заготовка стройматериалов. Но вскоре скончался царь, а затем и Кристлер. Дело заглохло, и о нем забыли на много лет.

О дерзком замысле вспомнили только в 1678 г., когда у власти в государстве стояла регентша при малолетних царях Петре и Иване царевна Софья, а всеми делами ведал ее фаворит Василий Васильевич Голицын – поборник европейского просвещения и реформ, великий строитель. Москва в эти годы строилась как никогда прежде. Началось наконец и сооружение моста. В русле реки забили дубовые сваи, по ним уложили настил из брусьев и начали выводить белокаменную кладку. Строительство не прекратилось и после того, как в 1689 г. возмужавший царь Петр Алексеевич отстранил сестру Софью от власти, а ее фаворита сослал в далекий Каргополь. Предполагается, что руководил работами русский зодчий-монах старец Филарет. Он, как выяснил знаток отечественного мостостроения Б.Н. Надежин, внес в первоначальный проект Кристлера серьезные изменения.

Через несколько лет грандиозная стройка наконец завершилась. Высокий массивный мост длиной около 150 м и шириной 22 м имел восемь пролетов. Их размеры увеличивались от центра к берегам. С одной стороны мост упирался во Всехсвятские ворота Белого города и смыкался с внешней низкой стеной Кремля, позднее снесенной. Замоскворецкий же въезд охраняла мощная башня с часами и шестью воротами на три стороны. Изукрашенная белокаменным узорочьем и цветными изразцами, она была увенчана высоким двухшатровым верхом, наподобие Воскресенских (Иверских) ворот Китай-города. Очевидно, мост все еще по старинке мыслился частью московской крепости, хотя внешняя угроза для столицы России была уже минимальной, да и методы фортификации существенно изменились. Возведенное на пороге Нового времени сооружение отдавало средневековой архаикой. Не только купцы, но и светлейший князь А. Меншиков настроили на мосту торговых лавок. Здесь же стояла палата Азовского Предтеченского монастыря, располагалась табачная таможня. В Шести-вратной башне помещалась Корчемная канцелярия, ведавшая водочными делами, и тюрьма для корчемников, то есть нелегальных торговцев спиртным. Под мостом в боковых пролетах пенили воду колеса мельниц.

Величественное сооружение поражало воображение москвичей. Его нарекли восьмым чудом света. Официально же мост назывался Всехсвятским. Церковь Всех Святых в Чертолье находилась поблизости на левом берегу. Она существовала шесть веков – с XIV до XIX в. и была разрушена при строительстве храма Христа Спасителя. Но чаще мост называли просто Каменным. Полтора столетия он был достопримечательностью Москвы, ее гордостью. Не раз становился и местом торжественных церемоний. Осенью 1694 г. по Каменному мосту прошли 7500 ратных людей «польского короля» Ивана Бутурлина, чтобы в подмосковном Кожу-

хове сойтись в «марсовой потехе» – больших маневрах с полками новорожденной русской регулярной армии. «Эта игра стала предвестником великого дела» – так оценивал Кожуховский поход Петр I. И великие дела воспоследовали... В 1696 г. была взята турецкая крепость Азов. Свою первую викторию Петр отпраздновал пышным триумфом в Москве 30 сентября. Шествие двигалось из Коломенского к Кремлю. Главного почетного места в процессии удостоился генерал-адмирал Франц Лефорт. Петр в черном мундире бомбардира возглавлял строй Преображенского полка. На Каменном мосту победителей встречали спешно выстроенные в затейливом барочном стиле первые в России триумфальные ворота – с живописными аллегориями, пояснительными надписями и статуями античных богов. С Шестивратной башни глашатай в рупор выкликивал имена проходивших военачальников, стрелецкие полки, выстроенные по сторонам процессии, салютовали пушечными залпами, звонили колокола московских церквей. Народ дивился на невиданное дотоле зрелище. В этот день Каменный мост словно соединил два исторических берега – Русь допетровскую, уходящую, и новую Россию.

Впоследствии Каменный мост еще не раз становился местом торжеств. Императоры и императрица всероссийские совершали по нему въезды в древнюю столицу. В 1774 г. здесь вновь воздвигли триумфальную арку – на сей раз в честь заключения Кучук-Кайнарджийского мира, завершившего победоносную войну с Турцией. Ежегодно 19 августа по Каменному мосту из кремлевского Успенского собора в Донской монастырь направлялся многолюдный крестный ход. Так отмечалась память спасения Москвы от нашествия крымского хана Казы-Гирея в 1591 г., которое приписывалось заступничеству чудотворной Богоматери Донской. С высоты Каменного моста москвичи любили поглазеть на фейерверки на близлежащем Царицыном лугу, на конные бега и кулачные бои на льду реки. Во множестве собирались здесь зеваки и во время ледохода и паводка. Зрелище вольного разгула стихии завораживало...

Большой Каменный мост

Да и в обычные дни на мосту было не протолкнуться. По нему сновали пешеходы, двигались экипажи и подводы, теснились мелочные торговцы, нищие и калеки, «гулящие женки» заманивали прохожих. Проезд по мосту был платным – сборщики-мытники стояли тут же. Из Сысского приказа сюда доставляли одетых в маски «языков», чтобы они высматривали в толпе воров и разбойников. А их вокруг было немало. Каменный мост снискал славу криминального центра Москвы. Под береговыми пролетами собиралась воровская братия. Здесь начинал свою блестящую криминальную карьеру легендарный вор, поэт и сыщик-«оборотень» Ванька Каин. Грабежи и убийства в районе Каменного моста были обычным делом. Трупы бросали в реку. Отсюда будто бы пошло и пережившее века выражение «концы в воду».

Морозным утром 10 января 1775 г. по Каменному мосту провезли на казнь на Болото главного государственного преступника империи Емельяна Пугачева. Высокие сани в виде эшафота медленно двигались в сопровождении конвоя кирасир по оцепленным полицией и запруженным народом улицам.

Каменный мост был свидетелем грозных событий 1812 г. 2 сентября, когда русская армия оставляла Москву, по нему прошла отступавшая с Воробьевых гор колонна под командованием генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова в составе 8, 7, 6-го пехотных и 4-го кавалерийского корпусов, а также 2-й кирасирской дивизии. Вместе с войсками из города уходили тысячи москвичей. Месяц спустя, 7 октября 1812 г., настала пора уже Наполеону покидать выжженную, разграбленную, но непокоренную Москву. Путь неудачливого завоевателя пролегал по Каменному мосту – из Кремля на Якиманку и Калужскую дорогу.

«Дороже Каменного моста», – говаривали в старой Москве, когда речь заходила о затратном деле. Не столько строительство, сколько содержание в исправности громадного сооружения требовало огромных усилий и расходов. В пролетах моста скапливался мусор, возникали ледяные заторы. Страдало судоходство, увеличивался размах наводнений. В 1731 г. по указу Анны Иоанновны были сломаны водяные мельницы, загромаждавшие пролеты. В елизаветинское время мост реконструировали под надзором зодчего Д.В. Ухтомского. Тогда снесли Шестивратную башню. Но сооружение продолжало ветшать. В апреле 1783 г. во время паводка обвалились три арки. Были разрушены 11 каменных лавок купца Епанишникова. «Упал один стоявший в это время на мосту человек и убит, а развалинами задавлены бывший под мостом рыбак и две бабы, у берега для мытья платья находившиеся», – доносил Екатерине II московский главнокомандующий граф З.Г. Чернышев. Для освидетельствования фундамента сооружения и ремонта пришлось по предложению инженера И.К. Герарда построить плотину выше по реке и отвести воду в новое русло. Так появился Водоотводный канал. Мост починили, но и вся его дальнейшая биография оказалась чередой дорогостоящих ремонтов. Наконец, по выражению мемуариста Н.П. Вишнякова, «на мост махнули рукой», оставив тихо угасать.

Гостиница «Петергоф»

Однако «век девятнадцатый, железный» не мог долго мириться с такой средневековой экзотикой. Он смотрел в иные горизонты, нуждался в иных символах. Стремительно развивающаяся капиталистическая Москва нуждалась в современной транспортной инфраструктуре. Каменный мост оказался ее слабым звеном, и его решено было заменить новым. В 1858 г. сооружение, простоявшее полторы сотни лет, разобрали. Массивную кладку кое-где пришлось взрывать пороховыми зарядами. Стройматериалы, оставшиеся от восьмого чуда света, купец и подрядчик Е.М. Скворцов использовал при строительстве доходного дома на углу Воздвиженки и Моховой, где впоследствии появилась гостиница «Петергоф», а ныне помещаются офисы Федерального собрания РФ. Новый мост заложили там же, где стоял прежний, – в створе улиц Ленивки на левом берегу и Всехсвятской – на правом. Он начал строиться в 1858 г., а уже в следующем, 1859 г. состоялось его освящение и открытие. Инженеры А.В. Августинович и М.А. Данилов реализовали смелое и рациональное решение: на каменные береговые устои и два мощных быка с ледоломами в русле реки опирались три железных арочных пролета. Средний достигал 38,3 м длины, боковые – 31,9 м. Такую схему авторы называли «дешевейшей и красивейшей». По ней еще в 1830-х гг. был построен соседний Москворецкий мост. Однако его фермы выполнялись из деревянных балок. Новый же мост имел арочные пролеты из кованого железа. Он стал первым большим сооружением такой конструкции в России и одним из крупнейших на тот момент в мире. Несмотря на широкое применение металла, мост унаследовал историческое название предшественника, так и оставшись Каменным.

В глазах горожан, в большинстве своем сожалевших о разрушении старого моста, новый не представлял собой ничего особенного. Но пейзаж он не испортил, хорошо вписался легким силуэтом в панораму окрестностей Кремля. Наиболее очевидными были транспортные преимущества сооружения. Его пологий профиль и достаточная ширина позволяли пропускать

большой поток экипажей и пешеходов. Впоследствии по мосту прошла линия конно-железнодорожной (конки), замененная в начале XX в. трамваем.

Стратегическое для города значение Большого Каменного моста проявлялось и во время гражданских конфликтов. В феврале 1917 г. здесь произошло трагическое событие. Революционные манифестанты попали под обстрел правительственных сил. Погибли трое молодых людей – рядовые 3-й военной автомобильной школы Василий Медков, Иван Самсонов и Ананий Урсо. «Великая и бескровная», как тогда называли Февральскую революцию, без жертв не обошлась. Юношей отпевали в соседнем храме Николая Чудотворца на Берсеневке при стечении огромной массы народа.

Гораздо более ожесточенные и кровопролитные бои за Каменный мост разгорелись в октябре – ноябре 1917 г. Красногвардейцы замоскворецких предприятий – завода Густава Листа и Михельсона, фабрики «Эйнем», Трамвайной электростанции и трамвайного парка – вместе с солдатами 4-й роты 55-го запасного полка, сбив дозоры юнкеров, пытались здесь пробиться в центр города. Операцией руководил большевик М.В. Кржеминский по прозвищу Пан. После первого успеха атакующие попали под перекрестный огонь пулеметов с кремлевской стены, из дома на углу Ленивки и со звонницы храма Христа Спасителя. Красным пришлось остановиться и перенести направление наступления на Крымский мост и далее по Остоженке. На Большом Каменном мосту еще несколько дней не стихала перестрелка. Порой она не давала противникам поднять голову. Было немало убитых и раненых, в основном среди мирного населения. Красногвардейцы устроили пулеметную точку на часовой башенке Трамвайной электростанции, перекрыли мост окопом и баррикадой, отражая все попытки контратак противника. Позиционные бои завершились здесь только с общей победой большевиков.

В первые советские годы вопрос о замене моста-ветерана как будто не стоял. Всехвятская улица застраивалась по старым красным линиям. Мост вполне справлялся со своими функциями. Но в 1930-х гг. развернулась реконструкция москворецкой водной системы и потребовалось увеличить высоту столичных мостов, чтобы под ними могли проходить волжские суда. К тому же сталинский план реконструкции Москвы предполагал строительство широкой магистрали от Комсомольской площади через центр к Калужской заставе. В связи с этим старый мост был разобран и в 1937–1938 гг. заменен новым. Его проектировали инженер Н.Я. Калмыков и архитекторы В.А. Шуко, В.Г. Гельфрейх, М.А. Минкус. Мост возвели чуть ниже по течению, ближе к Кремлю. Его трасса частично пролегла сквозь старинные кварталы, так что пришлось немало сносить, резать по-живому. Тогда были разрушены часовня Святого Николая Чудотворца подмосковной Николо-Берлюковской пустыни, соседние дома по Софийской набережной. Пошел под снос древний, возведенный еще в петровское время Суконный двор. А пятиэтажный жилой дом на углу с Болотной улицей, построенный десятью годами ранее моста, пришлось передвинуть на 74 м восточнее. Здесь он стоит и поныне.

Новый Большой Каменный мост по своим техническим параметрам, несомненно, превзошел предшественника. Его общая длина – 497 м, ширина – 40 м. Через Москву-реку он перешагивает единым пролетом – 105-метровой стальной аркой. Ее высота над средним уровнем реки – 8,4 м. Два береговых 40-метровых пролета перекрыты железобетонными сводами. Основные материалы сооружения – сталь и бетон. Тем не менее мост сохранил традиционное название – Большой Каменный. Он пересекает реку не перпендикулярно, как прежний, а под углом 8 градусов, что усложнило конструкцию. Мост технически совершенен, выстроен с большим запасом транспортных возможностей, не до конца исчерпанных и сегодня. Архитектурный образ сооружения основан на выразительном контрасте динамики стальных арок и монументальной статики береговых опор, облицованных грубоколотыми блоками серого гранита.

Храм Николая Чудотворца на Берсеневке

Чугунные перила Большого Каменного моста – уникальное произведение литейного искусства. На них изображены довоенные герб Москвы с обелиском советской Конституции. Монумент был установлен на Тверской площади и открыт 7 ноября 1918 г. Его автор – архитектор Д.П. Осипов. Позднее скульптор Н.А. Андреев изваял для памятника статую Свободы. На гербе столицы СССР, разработанном тем же Д.П. Осиповым и утвержденном Моссоветом в 1924 г., изображение обелиска Конституции помещалось в обрамлении звезды, серпа и молота, наковальни и зубчатого колеса с буквами «РСФСР», а также ленты с надписью «Московский совет раб., кр. и кр. деп.» (рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Эта символика просуществовала недолго. В апреле 1940 г. под предлогом несоответствия облика монумента Конституции архитектурному ансамблю улицы Горького памятник взорвали. В музей-

ных недрах чудом сохранились лишь фрагменты андреевской Свободы. Эмблема советской столицы тихо и незаметно умерла, оставшись лишь на перилах Большого Каменного моста.

Мост строился как элемент ансамбля обновленного центра столицы СССР. Своим обликом он должен был сочетаться не столько с Кремлем, сколько с Домом правительства и его запроектированным вторым зданием, а главное, с Дворцом Советов на месте снесенного храма Христа Спасителя. Так что это еще и своеобразный памятник дерзким утопиям московского градостроительства.

Вскоре после открытия Большой Каменный мост подвергся суровым испытаниям. В 1941 г. его бомбила немецкая авиация при налетах на Кремль. На мосту погибли десятки людей. Когда гитлеровцы подошли к Москве, его заминировали, чтобы взорвать в случае вражеского прорыва.

В июле 1942 г. на Большом Каменном мосту произошло событие, вызвавшее скандал в советских верхах. Юные отпрыски высокопоставленных жителей соседнего Дома правительства – Нина Уманская, дочь новоназначенного посла в Мексике, и Володя Шахурин, сын наркома авиационной промышленности, встретились здесь, чтобы объясниться перед разлукой. Узнав, что девушка надолго уезжает с семьей за границу, влюбленный юноша выстрелил в нее, а потом в себя. Выяснилось, что трофейный вальтер принадлежал не кому-нибудь, а самому члену Политбюро Анастасу Микояну, сын которого Ваню и одолжил пистолет другу. Лишь благосклонность Сталина к старому соратнику и политический расчет вождя предотвратили превращение романтической истории в «дело о террористическом заговоре». Сыновей Микояна Ваню и Степана (военного летчика, в будущем Героя Советского Союза) пришлось на время выслать в Среднюю Азию от греха подальше.

В 1945 г. толпы москвичей заполнили Большой Каменный мост, чтобы увидеть салют победы над Кремлем. С тем же ликованием здесь в апреле 1961 г. встречали Юрия Гагарина.

Большой Каменный мост часто называют главным мостом Москвы. И по праву. Через него идет основной транспортный поток в центр столицы. Мост – одна из визитных карточек столицы, его лучших видовых площадок. Панорамы Москвы отсюда мелькают в новостных программах телевидения многих стран. Для района Якиманка Большой Каменный – это главные северные ворота.

Дом правительства

Они открываются на парадный двор – **улицу Серафимовича**. Это обширное пространство, которому вполне подошло бы название площади, протянулось от Москвы-реки до Водоотводного канала поперек всего Замоскворецкого острова. Длина улицы около 360 м, ширина достигает 100 м. Свое нынешнее название она получила в 1933 г. по случаю юбилея некогда известнейшего и официально провозглашенного советским классиком писателя Серафимовича (А.С. Попова) – и еще при его жизни. Незадолго до этого он поселился здесь в Доме правительства. Так и дожил долгую жизнь в скромно обставленной двухкомнатной квартире на улице своего имени. Таково было время разнообразных «культов личности»...

На первый взгляд и сама улица из одной эпохи – той самой, сталинской. Вся ее застройка относится к 1920 – 1930-м гг. В действительности же летопись этого места насчитывает немало страниц. В древности здесь от переправы на Москве-реке пролегла Волоцкая дорога. Она шла по краю болота, мимо стариц, по топкой и низменной москворецкой пойме. (И сегодня здесь случаются провалы асфальта, в которые не раз попадали машины и даже троллейбусы.) В конце XV в. при Иване III в этих местах был разбит Государев сад. Появились слободы садовников: по правую сторону дороги – Верхняя Садовая, по левую – Средняя. В конце XVII в. был выстроен на Москве-реке каменный Всехсвятский мост. Получив надежную связь с ядром города, район заметно оживился, старая дорога превратилась в улицу. За ней утвердилось название Всех-

святской – по мосту. В XVIII столетии для удобства проезда через Болото возвели земляную насыпь, мощенную булыжником. В то время Всехсвятская улица была обстроена внушительными каменными сооружениями. Всю ее правую сторону от Каменного моста заняли корпуса Винно-соляного двора.

Монополия на продажу водки издавна была важнейшим источником пополнения казны. «Кабачкие деньги» держали бюджет на плаву. Особенно заметно это стало со времен Петра I. Неугомонному царю требовалось все больше и больше средств, чтобы переустроить страну, реформировать систему управления, строить новую столицу – Санкт-Петербург. Но прежде всего – чтобы воевать. На военные нужды уходило свыше 80 процентов бюджета, который трещал по швам. Выручала водка. А потому она считалась товаром стратегическим, и все с нею связанное было предметом особой государственной важности. Петр хорошо сознавал это и подходил к делу с размахом. Свидетельство тому – организация около 1718 г. в Москве у Каменного (Всехсвятского) моста Большого кружечного двора. Сюда с винокурных заводов свозили водку, которую здесь же в астерии, то бишь кабаке, продавали. Кружечным двор назывался потому, что, радея все-таки о сохранении остатков народной трезвости, власти предписывали продавать спиртное в розлив по кружке на покупателя. На самом деле выходило, конечно, по-другому: пьянство лишь усиливалось. Большой кружечный (или Каменноостный питейный) двор и особенно его окрестности быстро превратились в злачное место.

Гораздо строже, чем трезвость населения, власти блюли неприкосновенность винной монополии. Корчемство – самовольная продажа водки – считалось серьезным преступлением. За порядком надзирала Корчемная контора, занимавшая корпус на Винном дворе. По соседству, в Шестивратной башне Каменного моста, как мы помним, помещалась тюрьма для нарушителей-корчемников. И она не пустовала...

Водка оставалась одним из устоев империи и после Петра. Разве что жизнелюбивые императрицы повысили долю расходов бюджета на содержание двора – балы, приемы, наряды, новые дворцы, обделив армию и флот. У Каменного моста на Всехсвятской строительство надолго не замирало. В 1730-х гг. Кружечный двор возвели в камне под руководством зодчих И.А. Мордвинова, И.Ф. Мичурина и Ф.А. Васильева. Через 30 лет новую реконструкцию возглавил Д.В. Ухтомский. Постепенно сложился комплекс складских, служебных и административных помещений в виде каре невысоких каменных корпусов со скупой декорированными фасадами. Главный въезд со стороны Всехсвятской улицы отмечала башня в классическом стиле, построенная, возможно, архитектором С.А. Волковым. Корпуса складов стояли и посреди каре. Винный двор был одним из крупнейших торгово-складских комплексов Москвы. Здесь сосредоточилась также оптовая торговля солью – другим стратегическим товаром, государственная монополия на который наполняла казну. Двор стали называть Винно-соляным. Сюда возили соль из многих мест. Как вспоминал мемуарист XIX в., украинские чумаки на огромных, запряженных волами повозках доставляли ее даже из Крыма.

В 1812 г. Винно-соляной двор чудесным образом не пострадал в огне великого пожара, опустошившего его окрестности. В самый день вступления наполеоновской армии в Москву казаки и полицейские успели уничтожить хранившиеся там запасы. Впоследствии Винно-соляной двор перешел во владение города и использовался для разных нужд. В 1883 г. на той его части, что выходила на угол Всехсвятской улицы и Берсеневской набережной, построили солидное двухэтажное здание Съезда мировых судей. В начале XX в. участок Винно-соляного двора, примыкавший к Болотной набережной Водоотводного канала, был отдан под строительство электростанции московского трамвая. Основные же постройки дожили до второй половины 1920-х гг.

На противоположной, левой стороне Всехсвятской улицы тогда еще стояли старинные здания, напоминавшие о Петровской эпохе. Их строй на углу с Софийской набережной у самого Большого Каменного моста открывался небольшой купольной полуротондой

часовни Святого Николая Чудотворца, принадлежавшей подмосковной Николо-Берлюковской пустыни. Здание, построенное в конце XVIII в., после реконструкции в 1840 г. приобрело черты стиля ампир. Начало же храму было положено в 1700 г., когда у новенького еще Каменного моста появилась деревянная часовня Азовского Предтеченского монастыря. Ее не раз перестраивали, в 1780 г. передали Николо-Берлюковской пустыни, затем в связи со строительством дамбы снесли и возвели заново на другом месте. Главной святыней часовни был список чудотворной иконы на уникальный сюжет «Лобзание Христа Иудой».

По соседству стояло старинное приземистое здание Суконного двора, выстроенное для организованной в 1705 г. по указу Петра I первой в России казенной мануфактуры по выработке «немецких сукон» для обмундирования новой регулярной армии. Ведать предприятием поручили Илье Исаеву «со товарищи». Дело было начато с обычным петровским размахом. Возвели огромное каменное здание, наняли иноземных специалистов, обучили отечественные кадры, согнали сотни работных людей. Петр самолично посещал Суконный двор и носил мундир из выработанной здесь ткани. Но полностью, как предполагалось, обеспечить нужды воюющей армии мануфактура не смогла. Качество сукна оказалось невысоким, и Суконный двор перешел на производство преимущественно каразеи – тонкой подкладочной ткани. Сукно же пришлось по-прежнему импортировать задорого. Наконец, в 1720 г. мануфактура была приватизирована. Казна отдала ее в частные руки, «учиня из купечества компанию добрых и знатных людей», наделив льготами, выдав ссуды и приписав тысячи крестьян. Во главе дела стоял В. Щеголин. Предприятие быстро стало прибыльным, улучшилось и качество продукции. Но успех достался ценой жесточайшей эксплуатации подневольных работников. Снижались расценки, уменьшались заработки, недовольных заковывали в «железо», наказывали плетью. Рабочие, однако, не безмолвствовали, решительно, порой самоотверженно отстаивали свои права. Так, в феврале 1722 г. на Царицыном лугу (нынешняя Болотная площадь) они дерзнули бить челом на хозяев самому Петру I. Произвол на время поутих. Но и впоследствии Суконный двор был местом социальных конфликтов. Рабочие бастовали, даже вступали в схватки с воинскими командами. Зачинщиков беспорядков власти жестоко наказывали, сажали в тюрьмы, высылали на каторгу, но протест не иссякал. Кто не решался бороться – бежал. Ежегодно с Суконного двора совершалось около 40 побегов.

Мануфактура тем не менее расширялась. В 1745–1747 гг. Суконный двор был перестроен, возможно, под руководством опытного зодчего И.Ф. Мичурина. Он получил вид вытянутого вдоль Всехсвятской улицы каре из двухэтажных зданий. Во внутренний двор вели двое ворот: северные – с Москвы-реки и южные, парадные, пышно украшенные в духе барокко – с Царицына луга, традиционного места торжеств и гуляний, а в обычные дни использовавшегося для сушки продукции мануфактуры.

В начале 1771 г. один из рабочих привез на Суконный двор женщину, большую непонятной хворью. Вскоре она умерла. Так начиналось одно из самых страшных бедствий, когда-либо постигавших Москву, – великая чума. Занесенная в Первопрестольную с театра Русско-турецкой войны, моровая язва распространялась из нескольких очагов. В числе основных был Суконный двор с его скученностью и антисанитарией. Уже в марте 1771 г. здесь умерло 130 человек. Власти проглядели опасность, а потом бросились наверстывать упущенное неумелыми и суровыми карантинными мерами. Фабричные разбежались, разнося заразу. Вскоре вся Москва и ее окрестности оказались во власти чумы. За несколько месяцев умерло до 200 тысяч человек! Пытаясь локализовать эпидемию, власти закрыли город. Начался голод. В Москве хозяйничали страшные «мортусы», набранные из каторжников. Облаченные в просмоленные балахоны, они крючьями вытаскивали из домов умерших и грузили на подводы, а имущество и жилище сжигали. В переполненных карантинах больных и тех, у которых заподозрили чуму, держали впроголодь, почти не лечили. Отчаявшийся люд московский искал заступничества у чудотворной иконы Боголюбской Божьей Матери, осенявшей Варварские ворота Китай-

города. Но архиепископ Амвросий распорядился убрать святыню из опасения распространения эпидемии. И тогда вспыхнул бунт. Разъяренная толпа растерзала Амвросия, укрывшегося в Донском монастыре. С большим трудом с помощью артиллерии и военных команд сенатору П.Д. Еропкину удалось подавить восстание. Москва успокоилась, лишь когда по приказу Екатерины II в город с особыми полномочиями и гвардейскими полками прибыл Григорий Орлов, и эпидемия пошла на убыль.

В конце XVIII в. Суконный двор перешел во владение князя Ю.В. Долгорукова. В 1812 г. здание было разорено и выжжено. После изгнания Наполеона мануфактура возобновила производство и работала еще несколько десятилетий. В середине XIX в. Суконный двор надстроили, фасад заново оформили в модном тогда «русском стиле». После прекращения работы фабрики здание было отдано под конторы и квартиры. В 1881 г. здесь находилась редакция популярнейшей газеты «Московский листок» – родоначальницы бульварной прессы в Белокаменной. «Кабатским листком» называла ее интеллигентная публика, но, по словам В.А. Гиляровского, активно сотрудничавшего с ней, она «читалась и в гостиных, и в кабинетах, и в трактирах, и на рынках, и в многочисленных торговых рядах и линиях». Издатель «Московского листка» Н.И. Пастухов славился невероятной энергией, предпринимательской и журналистской хваткой. Так, чтобы привлечь простонародного читателя, он заказывал для газеты бумагу годную на курево. Помимо В.А. Гиляровского сотрудником «Московского листка» был такой популярный в свое время литератор, как Влас Дорошевич. Охотно читала вся Москва и бульварные романы А.М. Пазухина. Редакция жила весело и, по свидетельству того же Гиляровского, «гуливала часто».

У Суконного двора и его окрестностей была известность и другого рода. Со всей Москвы собирались сюда, в Суконные бани, любители попариться, а зимой еще и окунуться в прорубь на реке.

Малый Каменный мост

Завершалась левая сторона Всехсвятской улицы у Водоотводного канала монументальными корпусами Болотного рынка, выстроенного в 1842 г. по проекту М.Д. Быковского. Таким был пейзаж этих мест еще в начале советской эпохи, он изменился неузнаваемо за какие-то десять лет. В 1928 г. на левой стороне Всехсвятской улицы, на углу с Лабазной (ныне влившейся в Болотную площадь), был встроен по проекту В.Н. Юнга пятиэтажный кооперативный дом. Это здание, вероятно, можно считать первым, появившимся после революции на территории, которую ныне занимает район Якиманка. Тем временем была снесена вся правая сторона Всехсвятской улицы, занятая строениями Винно-соляного двора и Съезда мировых судей. На этом месте в 1928–1931 гг. выросла громада 1-го Дома ЦИК – СНК СССР, больше известного сегодня как Дом на набережной. Его архитектор Б.М. Иофан проектировал и вторую очередь жилого комплекса. Согласно постановлению Совета народных комиссаров СССР от 28 февраля 1932 г. 2-й Дом Советов должен был занять всю левую сторону Всехсвятской улицы и протянуться по Софийской набережной до Фалеевского переулка. Однако строительство так и не началось. Это, впрочем, не спасло старину Всехсвятской, ставшей уже улицей Серафимовича. Здания по ее левой стороне, в том числе Никольская часовня, Суконный двор и Болотный рынок, вскоре были снесены. Здесь через новый Большой и Малый Каменные мосты прошла широкая транспортная магистраль. Пощадили только недавно построенный кооперативный «дом Юнга», несмотря на то что он стоял как раз на пути трассы. Осенью 1937 г. пятиэтажное здание весом 7500 т подняли на домкратах, поставили на катки и по рельсам передвинули на 74 м восточнее. Любопытно, что все это время жители преспокойно оставались дома, могли пользоваться газом, водопроводом, канализацией, электричеством и телефоном, подключенными через гибкую подводку. Операция преподносилась прессой как очередное достижение социалистической реконструкции Москвы. Вся страна следила за происходящим у Каменного моста, а поэтесса Агния Барто отозвалась хрестоматийным стихотворением «Дом переехал».

Сегодняшний облик улицы окончательно сформировался после Великой Отечественной войны. В 1945–1947 гг. в ознаменование 800-летия Москвы по проекту В.И. Долганова и И.Д. Мельчакова на Болотной площади был разбит красивый сквер с монументальным входом.

Казалось бы, старая Всехсвятская канула в Лету, без остатка растворившись в безразмерном пространстве улицы Серафимовича. Но если приглядеться к строгому фасаду Дома правительства, можно заметить его изгиб, не объяснимый никакой архитектурной логикой. Просто здание строилось еще на старой, изогнутой Всехсвятской улице, сообразуясь с ее поворотом. Такое вот необычное напоминание о давно минувшем.

Верхние Садовники. Стрелка

Всехсвятская – улица Серафимовича проходит по исторической границе между древними Садовыми слободами. По левую руку – Средние Садовники, по правую – Верхние, куда и лежит наш путь...

Гигантское, словно горный кряж, серое здание протянулось вдоль всей улицы Серафимовича. Это самый большой жилой дом района Якиманка. Его главный, парадный, фасад выходит на Москву-реку. Здание это знаменито во всем мире. Домом на набережной окрестил его Юрий Трифонов в одноименной повести. Образ этот, растиражированный во множестве книг, статей и кинофильмов, стал образом целой эпохи. Дом-символ, дом-ковчег, вместивший в себя бесчисленное множество судеб, событий, легенд и тайн, серой скалой застыл на берегу реки Времени.

...1926 год. Отгремела Гражданская война, большевики прочно утвердились во власти, но раздуть пожар мировой революции не смогли. Пришлось строить социализм в «отдельно взятой стране», крепить диктатуру пролетариата. А это, кроме всего прочего, означало наращивание парт- и госаппарата, создание для него привилегированных условий жизни. Времена революционного аскетизма уходили в прошлое. Ответственному работнику для полноценной работы нужен полноценный быт – таков был теперь лозунг дня. Ему уже не отвечало скромное жилище в так называемых Домах Советов, под которые были приспособлены бывшие гостиницы, доходные дома, некоторые кремлевские корпуса и даже здание Духовной семинарии. К тому же в нэпманскую Москву потянулись иностранцы – бизнесмены и туристы, обладатели так нужной Советской России валюты. Для них предполагалось вновь открыть лучшие гостиницы. 1-й и 2-й Дома Советов должны были снова стать «Националом» и «Метрополем». Их номенклатурному населению предстояло найти другое жилье – просторное и комфортное. И вот советское правительство принимает решение о строительстве в Москве «Жилого Дома Советов ЦИК – СНК СССР». Делу придавалось особое государственное значение. В правительственную комиссию по строительству дома, созданную по распоряжению самого предсовнаркома А.И. Рыкова в 1927 г., вошли видные большевики А.С. Енукидзе, Н.П. Горбунов. Был в ней и Генрих Ягода: органам поручалось охранять будущий жилой комплекс, а заодно и «опекать» его обитателей. Вошел в комиссию и молодой, но уже известный архитектор Борис Иофан. Вместе с братом Дмитрием он начал работу над проектом здания.

Борис Михайлович Иофан к тому времени имел богатую жизненную и творческую биографию. Родился в Одессе в 1891 г., окончил художественное училище, отслужил в армии, работал в Петербурге помощником разных архитекторов. Но впервые заявил о себе в Москве. Он помогал А. Таманяну при строительстве дома князя Щербатова на Новинском бульваре, признанного лучшей архитектурной премьерой 1914 г. Затем Иофан надолго уезжает на «родину искусств» – в Италию. В 1916 г. он оканчивает архитектурное отделение Королевского института изящных искусств в Риме, затем проходит курс в инженерной школе при Римском университете. В Италии начинается самостоятельная творческая деятельность зодчего. Он много проектирует и строит. Высокую оценку получает его проект посольства СССР в Риме. Человек левых убеждений, Б.М. Иофан в 1921 г. вступает в Итальянскую компартию. Активной коммунисткой была и его жена Ольга Фабрициевна Огарева, в жилах которой текла голубая кровь итальянских герцогов Руффо и русских князей Мещерских. Б.М. Иофан живо интересовался всем происходившим на родине. Так, откликаясь на сообщения о голоде в Поволжье, он продал библиотеку, чтобы выслать средства в Россию. Постепенно вызревало решение о возвращении. Окончательно утвердиться в нем побудили приход к власти в Италии фашистов Муссолини и приглашение работать в СССР, сделанное предсовнаркома А.И. Рыковым.

В 1924 г. Иофан возвращается на родину и сразу окунается в работу. Его первые постройки в Советском Союзе – рабочие поселки при Штеровской электростанции в Донбассе и на Русаковской улице в Москве. Затем последовали комплекс Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева и знаменитый впоследствии правительственный санаторий «Барвиха». И вот настала очередь Дома ЦИК – СНК СССР...

Факт почти неизвестный даже специалистам – первоначально под строительство определили квартал между Моховой, Воздвиженкой и Ваганьковским переулком, где впоследствии поднялись корпуса Ленинской библиотеки. Проект предусматривал возведение здесь семиэтажного дома на 400 квартир. Но ситуация изменилась. Летом 1927 г. комиссия постановила – строить за Москвой-рекой, у Большого Каменного моста на месте сносимых сооружений Винно-соляного двора. Все решения по Дому ЦИК – СНК СССР принимались сугубо секретно. Проект Иофана на конкурс не выставлялся, вопреки общепринятой тогда практике. Правда, его рассматривала авторитетная комиссия специалистов, в которую входили А.Д. Цюрупа, Г.М. Людвиг, А.Ф. Лолейт, Г.Б. Красин, И.И. Рерберг, А.С. Веснин и др. Пресса сообщила о строительстве только в 1928 г., когда работы уже шли вовсю. Они продолжались до 1931 г. (а некоторые и до 1935 г.) и обошлись голодавшей стране в огромную по тем временам сумму: почти 30 млн рублей!

Чтобы циклопическое сооружение прочно стояло на зыбких грунтах замоскворецкого Болота, пришлось вбить 3500 железобетонных свай. На стройплощадке впервые в Москве применялись многие механизмы, в основном импортные. Через Водоотводный канал была перекинута канатная дорога для подачи песка и гравия. С рабочей силой проблем не возникало – на бирже труда стояли тогда многие москвичи, из деревень шел поток убежавших от коллективизации крестьян. На Хитровке можно было лицезреть мирно дремавших под навесом в ожидании работодателя будущих строителей столицы социализма. На их босых ступнях, как у покойников в морге, синим химическим карандашом были начертаны цифры – запрашиваемая плата и слова – «Зря не будить».

Когда строительные леса с дома были наконец сняты, москвичей поразили масштаб сооружения – самого большого жилого здания не только тогдашней Москвы, но и всей Европы. 505-квартирный гигант поднялся над низеньким Замоскворечьем на высоту 10–12 этажей. Компактная композиция корпусов, размещенных по периметру трех внутренних дворов, скупое оформленные фасады, жесткий ступенчатый силуэт – все это придало зданию сходство с неприступной цитаделью, взирающей свысока на крикливо-пеструю матушку Москву. Первоначально предполагалось обработать стены розовой гранитной крошкой в тон Кремля. Но это оказалось слишком дорого. Отвергнута была и идея «высветлить» дом, добавляя в штукатурку желтый подольский песок – побоялись, что гарь из труб соседней электростанции закоптит фасады. В конце концов здание выкрасили в мрачноватый серый цвет. Архитектура дома, строившегося в годы «великого перелома», удивительно точно отразила суть исторического момента. Логичная и ясная, она еще сохранила черты конструктивизма, революционно-демократический дух ранних советских лет. Но монументальный речной фасад с величавыми фланкирующими башнями и пилонным портиком – предвестник иной эпохи – сталинской империи, «Большого стиля». В одном из своих очерков О. Мандельштам, вскользь упомянув Дом правительства, назвал его «пирамидальным». И это едва ли случайно, если вспомнить, что в пирамидах поэт видел архитектуру враждебную человеку, питающую свое величие его ничтожеством. Ощутить себя песчинками у подножия колосса империи пришлось и обитателям Дома на набережной. Но пока они вселялись в новые квартиры... Строгие, почти аскетические фасады дома скрывали комфортабельные апартаменты. Для тогдашней Москвы, терзаемой коммунальным кризисом, здешние условия казались земным раем. Квартир в 1–2 комнаты в доме было немного, в основном 3 – 4-комнатные. В самых же престижных подъездах № 1 и 12 с окнами на реку разместились 5 – 7-комнатные апартаменты площадью 200 кв. м и

более. Высота потолков во всех квартирах – 3,7 м. В то время, когда даже Кремль отапливался печами, а вся Москва готовила на керосинках, в Доме ЦИК – СНК оборудовали центральное отопление и установили газовые плиты. В каждой квартире был телефон. Лифты, мусоропроводы, встроенные шкафы, холодильники, дубовый паркет, зеркальные двери, отделка стен «под шелк»... Была отдана дань и модным идеям стандартизации и коллективизации быта. Отсюда – одинаковая для большинства квартир добротная мебель, сконструированная самим Иофаном, крохотные кухни в прихожих, зато большая общая столовая. Комплекс строился по принципу жилкомбината с высокой степенью автономности. Здесь почти все было свое – продовольственный и промтоварный магазины, почта, сберкасса, парикмахерская, прачечная, медпункт. Плюс к этому – огромный клуб имени Рыкова (позднее имени Калинина, сейчас – Театр эстрады) с залом на тысячу мест, спортивные залы, солярий, теннисный корт и, конечно, крупнейший тогда в столице кинотеатр «Ударник».

Немногим известно, что комплекс должен был расти и дальше. Предполагалось построить детский сад на месте храма Николая Чудотворца на Берсеневке. А на другой стороне улицы Серафимовича, как уже было сказано, планировалось возведение огромного, на целый квартал, второго жилого комплекса для парт- и госаппарата. К счастью, эти замыслы, грозившие изменить весь исторический пейзаж окрестностей, не осуществились.

Что же касается построенного дома ЦИК – СНК, то он явил стране новые стандарты качества архитектуры, строительства и комфорта, став воплощением великой советской мечты. Ведь предполагалось, что в подобных условиях вскоре будут жить «все трудящиеся».

Утопия, однако, таковой и осталась. Да и обитателям дома было не до спокойной, благополучной жизни. Загруженные работой, часто перебрасывавшиеся с одного места службы на другое, они редко успевали обжиться в этих стенах. Дом больше напоминал ведомственную гостиницу высокого класса. А вскоре стал походить и на преддверие бездны. Нигде политические чистки 1930 – 1950-х гг. не оставили столь глубоких ран, как здесь: около 800 репрессированных, из них свыше 300 расстрелянных!

Как сообщает в своей книге «Дом на набережной. Люди и судьбы» скрупулезный исследователь темы Татьяна Шмидт, первые аресты начались вскоре после заселения здания. В 1932 г. органы взяли молодых людей Вадима Осинского и Андрея Свердлова, которых, впрочем, вскоре отпустили. За «первопроходцами» последовали сотни и сотни. Если в 1936 г. были арестованы не менее 19 жителей дома, то в следующем, 1937 г., по данным книги, лишились свободы уже 308. Из них 104 расстреляно. Год 1938-й – 147 арестов, 144 расстрела. Большой террор, достигнув пика, пошел на спад, но репрессии в доме не прекращались до 1950-х гг. Их жертвами становились люди, вошедшие в историю, о которых знала вся страна. Среди них преемник Ленина на посту главы советского правительства А.И. Рыков, зампреда Совета министров СССР Н.А. Вознесенский, высокопоставленные партийные деятели П.П. Постышев, В.Я. Чубарь, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев, военачальники В.К. Блюхер, М.Н. Тухачевский, А.И. Корк, И.С. Кутяков, И.Ф. Федько... В «расстрельных списках» дома – 38 женщин, в большинстве своем «членов семей врагов народа». Многие обитатели комфортных квартир попали в лагерные бараки, прошли все адские круги ГУЛАГа. Детей отправляли в детприемники и детские дома. Под колесо террора попали и те, кто его запускал, – чекисты Я.Х. Петерс, В.Н. Меркулов, Б.Х. Кобулов. Они также были жителями дома. Недолго прописан здесь был и Л.П. Берия.

Репрессии убивали физически, калечили морально. Ночные аресты, исчезновение соседей, опечатанные квартиры целых подъездов, всеобщая подозрительность, слежка, слухи о потайных комнатах, из которых осуществлялась прослушка, – все это создавало в доме гнетущую атмосферу. «Очень тяжело стало работать, да и жить. Чувствую, мне не доверяют, и я сам заразился подозрительностью, никому не верю», – изливал душу другу заместитель наркома обороны флагман 1-го ранга В.М. Орлов, вскоре арестованный. Тем не менее было немало

примеров жизненной и духовной стойкости, взаимопомощи, мужества в отстаивании своей позиции. Так, в 1938 г. жители дома Д.П. Павлов, П.С. Аллилуев (своjak Сталина) были в числе подписавших «Письмо четырех» против репрессий в Красной армии.

Потом грянула война. Около 500 жителей дома побывали на фронте. Четверть из них погибла. Среди них И.Р. Апанасенко – один из трех генералов армии, павших во время Великой Отечественной войны, Л.Г. Петровский – сын «всеукраинского старосты» Григория Петровского, в честь которого назван город Днепрпетровск, Рубен Ибаррури – сын легендарной испанской Пассионарии... Дом, расположенный рядом с Кремлем, бомбила немецкая авиация. Две большие фугаски разорвались у 19-го и 24-го подъездов, повредив фасад, перебив окна. С крыши по вражеским самолетам била пулеметная установка. Многие жители состояли в дружине ПВО. Когда гитлеровцы подступили вплотную к Москве, дом выселили и заминировали. Он считался особо важным объектом. В военные годы дом оказался причастен к появлению музыкальных символов эпохи. Здесь тогда жил композитор А.В. Александров, автор легендарной «Священной войны» и Гимна Советского Союза (теперь России).

В послевоенные годы дом постепенно терял свой элитный блеск. В нем появилось много коммуналок. Одно время его население вместо расчетных 2700 жителей достигло 6000. Лишь капитальный ремонт на рубеже 1970 – 1980-х гг., инициированный местной общественностью во главе с парторгом, легендарным летчиком Н.П. Каманиным, возродил дом. Сегодня он по-прежнему считается одним из самых престижных в столице.

Через судьбы своих жителей Дом на набережной связан почти со всеми значимыми событиями и явлениями XX века. В разное время здесь квартировали государственные и партийные деятели, революционеры – А.И. Рыков, Н.С. Хрущев, А.Н. Косыгин, А.А. Громыко, Н.К. Байбаков, Н.А. Вознесенский, Р.С. Землячка, Л.П. Берия, А.Я. Пельше, Н.В. Подгорный, П.П. Постышев, М.З. Сабуров, Н.М. Шверник, Г.М. Димитров, О.В. Куусинен. В доме жили сын Сталина Василий и дочь Светлана, члены семьи Аллилуевых, приближенные вождя, его личные секретари И.П. Товстуха, А.И. Поскребышев, Л.З. Мехлис.

В богатейшей военной истории здания – крупнейшие советские полководцы и флотоводцы – 16 маршалов, в том числе Г.К. Жуков, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, Н.Н. Воронов, И.Х. Баграмян, Ф.И. Толбухин, М.Н. Тухачевский, адмиралы Н.Г. Кузнецов, И.С. Исаков, А.Г. Головкин... Дом на набережной – памятное место в истории отечественной авиации. Здесь жили главкомы ВВС П.И. Баранов, Я.И. Алкснис, А.Д. Локтионов, Я.В. Смушкевич, П.Ф. Жигарев, А.А. Новиков, П.В. Рычагов, летная элита СССР – К.А. Вершинин, И.И. Борзов, М.С. Бабушкин, М.В. Водопьянов, Н.П. Каманин... С жителями дома – И. Халепским, Д. Павловым, Я. Федоренко и др. – связано становление советских бронетанковых войск. Здесь жила в юности Ирина Левченко – Герой Советского Союза, первая в мире женщина-танкист, дочь репрессированного. Военно-морская биография сухопутного дома не менее впечатляюща. В ней имена М.В. Викторова, В.М. Орлова, Р.А. Муклевича, И.С. Юмашева, Н.А. Васильева, Л.П. Вартамяна... Среди жителей Дома на набережной были выдающиеся военные теоретики, предсказавшие основные черты Второй мировой, – В.К. Триандафиллов и Г.С. Иссерсон. Дипломатическая страница летописи здания – это главы советского внешнеполитического ведомства М.М. Литвинов и А.А. Громыко. Стоит вспомнить легендарных наркомов и министров – И.Ф. Тевосяна, А.И. Шахурина, П.П. Ширшова, Д.В. Ефремова, И.А. Лихачева... В доме жили 35 Героев Советского Союза – больше, чем в каком-либо другом, 35 академиков, среди которых медики Н.Н. Блохин, В.И. Бураковский, В.И. Шумаков, авиаконструктор А.И. Микоян, ракетостроитель В.П. Глушко, историк Е.В. Тарле и даже пресловутый Т.Д. Лысенко. Писательский список Дома на набережной читается как оглавление школьной хрестоматии: Александр Серафимович, Демьян Бедный, Борис Лавренев, Михаил Кольцов, Николай Тихонов, Александр Корнейчук, Юрий Трифонов, Анатолий Рыбаков, Чингиз Айтматов, Юлиан Семенов, Михаил

Шатров... Среди здешних жителей были такие звезды мирового искусства, как балетмейстер Игорь Моисеев, певица Белла Руденко, режиссер Наталия Сац...

Дом правительства, или Дом на набережной

Фасады Дома на набережной украшают 29 мемориальных досок. Это абсолютный общероссийский рекорд, а быть может, и мировой! Еще восемь памятных табличек установлено в подъездах здания. Впрочем, чтобы увековечить все значимые имена, на стенах здания не хватило бы места.

Среди мемориальных досок на фасаде есть и посвященная создателю дома архитектору Б.М. Иофану. Он тоже поселился здесь с супругой Ольгой Фабрициевной, дочерью Ольгеттой и сыном Борисом. И прожил до конца жизни. Из окна квартиры-мастерской на верхнем этаже ныне открывается изумительный вид на воссозданный храм Христа Спасителя. В предвоенные годы на его месте началось строительство «главного здания страны» – Дворца Советов по проекту Б.М. Иофана, В.Г. Гельфрейха и В.А. Шуко. В 1937 г. зодчий строит знаменитый павильон СССР на Всемирной выставке в Париже. Именно Иофан предложил увенчать здание парной скульптурой по образцу произведения древнегреческого ваятеля Антенора «Тираноборцы Гармодий и Аристокитон». Замысел воплотила Вера Мухина, преобразив борцов с тиранией во всем известных «Рабочего и колхозницу». В 1930 – 1940-х гг. Иофан был архитектором номер один Советского Союза. Ему доверяли проектировать самые престижные объекты. Если бы грандиозные замыслы зодчего полностью осуществились, мы бы сейчас жили в Москве Иофана. Но так не получилось. Циклопическая 420-метровая башня Дворца Советов не была возведена, строительство второй очереди правительственного жилого комплекса отменили, иофановский проект высотного здания МГУ на Ленинских горах тоже оказался нереализованным... Самым значительным произведением мастера так и остался Дом на набережной.

Пожалуй, наиболее выразительная часть комплекса – кинотеатр «Ударник», тогда крупнейший и лучший в столице. Зал с первоначальной вместимостью 1500 мест перекрывает свод-купол с пролетом 30 м. Крыша могла раздвигаться, открывая небо. Впоследствии, правда, сложный механизм вышел из строя, и при очередной реконструкции его демонтировали. Долгое время «Ударник» считался главным экраном страны. Первый сеанс состоялся 7 ноября 1931 г. Был показан первый советский звуковой фильм «Златые горы» режиссера С. Юткевича. С «Ударником» связана вся история «золотого века» отечественного кинематографа. «Чапаев», «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Трактористы», «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» (первый советский лауреат премии «Оскар») – премьерные показы этих и других классических фильмов проходили здесь. В «Ударнике» в 1935 г. состоялся первый Московский международный кинофестиваль. В послевоенные годы кинотеатр стал одной из основных площадок ММКФ. В лучшие времена зал был всегда полон, в фойе играли оркестры, выступали известные артисты, работал прекрасный буфет. Увы, сейчас в «Ударнике» кино не показывают, его будущее туманно...

Зато нередко аншлаги в Театре эстрады, шестипилонный портик которого выходит на Москву-реку. Изначально это был клуб Дома ЦИК – СНК с залом на 1000 мест, носивший имя предсовнаркома СССР А.И. Рыкова. Но «верный ленинец» вскоре превратился в «правого уклониста», а потом и во «врага народа». Клубу присвоили новое имя, тоже живого человека, «всесоюзного старосты» М.И. Калинина. Здесь работали кружки и секции для жителей дома, ставил спектакли Новый театр под руководством Федора Каверина. В 1934 г. зал был передан детскому кинотеатру. В 1930-х гг. здесь разместился клуб Совета министров и Верховного Совета СССР. Только в 1961 г. в эти стены переехал Театр эстрады. Он стал одной из популярных концертных и сценических площадок Москвы. Много лет театром руководил известнейший конферансье Борис Брунов. В 2003 г. в фойе ему был установлен памятник. Сейчас во главе театра – Геннадий Хазанов, кстати, житель Дома на набережной.

Если встать лицом к речному фасаду здания, то по обе стороны от портика можно заметить проезды во внутренний двор. Заглянем в тот, что слева, чтобы познакомиться с еще одной уникальной достопримечательностью легендарного здания. Здесь рядом с подъездом № 1 находится музей «Дом на набережной». Замысел его создания возник в годы перестройки и гласности, когда переосмысление советского прошлого воспринималось как актуальнейшая потребность пробуждающегося общества. До этого история номенклатурного дома была темой, закрытой для исследования. И открыли ее сами жители. Одна из старожилков дома, 81-летняя Т.А. Тер-Егизарян вместе со своими единомышленниками В.В. Лепешинским, Е.С. Перепечко, Т.И. Шмидт, И.Н. Лобановой, В.Б. Волиной и др. в 1989 г. предложила создать музей. Их поддержали пресса и соседи с известными именами и общественным весом, такие как артист Алексей Баталов, писатель Анатолий Рыбаков, драматург Михаил Шатров. Музей открылся в ноябре того же года. Экспозиция постоянно пополнялась подарками жителей. Они приносили предметы быта, семейные реликвии, документы и фотографии. Параллельно шла работа в архивах и библиотеках. Музей быстро приобрел известность, стал достаточно популярен, наладил лекционную и экскурсионную деятельность. В нем проводились встречи, семинары, вечера памяти. 7 апреля 1998 г. решением правительства Москвы музей «Дом на набережной» получил статус муниципального краеведческого. Его первый директор Т.А. Тер-Егизарян, отметив свое 90-летие, передала руководство О.Р. Трифоновой – писательнице и вдове знаменитого писателя.

Берсенеvская набережная

История дома между тем продолжается. Его никак не назовешь саркофагом остывшей памяти и иссякшей пассионарности ушедшей эпохи. Здесь и сейчас живут люди, определяющие лицо и дух времени.

Громкое имя – Дом на набережной – общеизвестно, но какая набережная имеется в виду, знают далеко не все. Ее название – **Берсенеvская**. И это один из самых колоритных и любопытных уголков Москвы. Достаточно сказать, что на менее чем километровом протяжении скромной по виду набережной сосредоточены памятники шести столетий!

В древности местность эту называли Песками. Здесь вдоль правого низменного берега Москвы-реки тянулись песчаные дюны, кое-где редко поросшие соснами. Вокруг простирались болота, старицы, мокрые луга, по весне затоплявшиеся тальми водами. Лет шестьсот назад на островке, «на песку», среди зыбкой поймы возник маленький монастырь во имя Николы Чудотворца с деревянным храмом. В летописях же о церкви впервые упоминается только под конец XV в. Тогда от Николы на Песку начался пожар Москвы 1475 г. Вскоре великий князь Иван III повелел устроить за Москвой-рекой огромный плодовый сад. Здесь же селились слободами государевы садовники.

Видимо, в XVI столетии в московском лексиконе появилось и другое название местности – Берсени, или Берсенеvка, постепенно вытеснившее прежнее – Пески. Берсени были частью Верхних Садовников. Возможно, отсюда и одно из объяснений колоритного названия. Якобы здесь, в Государевом саду, в обилии произрастал крыжовник – берсень. Есть и другая версия. «На песку» некогда располагалось владение великокняжеского боярина Ивана Никитича Беклемишева по прозвищу Берсень. Ему же вменялось в обязанность ведать здешней уличной заставой – Берсенеvской решеткой, одной из тех, которыми перегораживали по ночам улицы города из опасения разбоев и поджогов. Один из предков Ивана Никитича служил еще Дмитрию Донскому, участвовал в сооружении белокаменного Кремля. Одна из кремлевских башен

и поныне зовется Беклемишевой. Сам Иван Берсень был личностью незаурядной. Он слыл искусным дипломатом, любил книжную премудрость, переписывался с Максимом Греком. Родовитый аристократ, Иван Никитич грезил прошлым, когда великие князья вершили дела по советам «бояр старейших». Человек непокорного колючего нрава, за что, вероятно, и прозванный Берсенем, он не раз перечил Василию III, отстаивая свою боярскую правду. Но времена уже изменились. Великий князь, исподволь утверждавший самодержавие, не желал мириться с оппозиционными умонастроениями. Берсень-Беклемишев попал в опалу, а в 1525 г. и вовсе был обезглавлен на льду Москвы-реки.

Берсеньевка, расположенная всего в полуверсте от Кремля, но на отшибе, за рекой, вне главных улиц, всегда была московским затишьем. Городская суета мало проникала сюда, даже когда рядом построили Большой Каменный мост, а в окрестностях стали появляться крупные промышленные и торговые предприятия. В 1812 г. Берсеньевка выгорела дотла, за исключением Винно-соляного двора. На исходе XIX в. была обустроена набережная в виде земляных откосов, укрепленных у подошвы дубовыми сваями и обложенных булыжником. Современные подпорные стенки с облицовкой из серого и розового гранита сооружены уже в советское время – в 1930-х гг.

У подножия Дома на набережной – причал речных трамвайчиков «Каменный мост». Почти вплотную к нему примыкает странный выступ в подпорной стенке с серой будкой наверху. Он гораздо старше и причала, и самой гранитной набережной. Это водозабор первой московской Трамвайной электростанции, построенной в начале XX в. К ее внушительным корпусам мы подойдем позднее, через несколько сотен метров. А пока нас ждут другие впечатления...

Широкая парадная Берсеньевская набережная, миновав внушительный фасад Дома правительства, вдруг резко меняет облик – спускается ниже к реке, становится узкой и тесной, как переулочек в старинном провинциальном городке. Всего несколько шагов – и из Москвы советской попадаешь в старую Москву – Престольную, Белокаменную, Златоглавую. Здесь, на Берсенях, под боком сурового Дома на набережной, чудом сохранился один из ее райских островков – ансамбль палат Аверкия Кириллова и церкви Святого Николая Чудотворца. Такое соседство едва не обернулось для старины гибелью. Как уже было сказано, в начале 1930-х гг. Б.М. Иофан предложил снести храм и палаты, чтобы построить на их месте детский сад и ясли для 1-го Дома ЦИК – СНК СССР. Замоскворецкий райком партии поддержал архитектора, ревнители же культуры, вкупе с организациями, квартировавшими в древних зданиях, выступили против. Легко догадаться, кто победил бы в споре, если бы власти не приняли решение строить поблизости вторую очередь правительственного жилого комплекса, где и разместить детсад и ясли. Стройка так и не началась, детям же нашли помещения в самом Доме на набережной. За всей этой плановой и бюрократической чехардой берсеньевские древности уцелели...

Палаты Аверкия Кириллова

Палаты Аверкия Кириллова, как и положено главному дому старомосковской усадьбы, смотрят на Москву-реку из глубины двора, осененного вековыми деревьями. Фасад здания живописен и обманчив. На вид это сочное, несколько наивное раннепетровское барокко – симметричная композиция, высокий, очень выразительный аттик, обрамленный завитками-волютами и украшенный лепными гирляндами из фруктов и цветов, раковины в полуциркульных завершениях наличников окон. Однако парадный фасад начала XVIII в. таит стены гораздо более древние. Палаты на Берсеневской набережной, 18 – старейшее здание района Якиманка и одна из самых ранних гражданских построек Москвы в целом. В подклети известный реставратор Г.И. Алферова обнаружила фрагменты, относящиеся к рубежу XV–XVI вв. Эти белокаменные палаты, возможно, принадлежали уже знакомому нам И.Н. Берсеню-Беклемишеву и после опалы и казни крамольника были взяты в казну. Ранняя история здания окутана легендами. Исстари москвичи называли его палатами Малюты Скуратова, искали здесь пыточные застенки, потайные ходы в Кремль. И по сей день особо упорные энтузиасты не отчаялись обнаружить здесь следы легендарной Либереи – библиотеки Ивана Грозного. Большинство же москвоведов считают, что усадьба Малюты находилась на противоположном берегу Москвы-реки, в приходе храма Похвалы Богородицы, где и была обнаружена его надгробная плита. Среди владельцев палат на Берсеневке называют также царского садовника Кирилла, заведовавшего близлежащим Государевым садом и Садовыми слободами. Его внук Аверкий Стефанович Кириллов считается первым достоверным владельцем усадьбы. Это была крупная и неординарная личность – «олигарх XVII столетия». Потомственный царский садовник и при этом богатейший купец-«гость», Аверкий Кириллов владел соляными варницами, вел обширную торговлю. Такие оборотистые и грамотные люди нередко привлекались к важным государственным делам. Аверкий Кириллов был пожалован высоким чином думного дьяка, заседал в

Боярской думе. Ему доверяли руководство важнейшими приказами, отвечавшими за финансово-экономическое благополучие державы.

Богатый, влиятельный, но неродовитый чиновник, вероятно, очень пекся о своем престиже среди московской знати. Это, возможно, и объясняет размах и роскошь, с которыми он обустроивал собственную усадьбу на Берсеневке. В 1656–1657 гг. над старинным белокаменным подклетом возводится из кирпича еще один этаж со сводчатыми палатами и деревянными теремами над ними, пристраивается шатровое красное крыльцо. Внешнее убранство здания было богатым и затейливым. Его детали – фигурные наличники окон, наборные карнизы – можно увидеть на боковом и заднем фасадах дома. Сохранилась и часть красного крыльца слева от центрального ризалита. Украшением здания явились прекрасные изразцы сине-белых тонов с изображением двуглавого орла – знака высокого государственного статуса хозяина, его приближенности ко двору. Главным парадным залом дома служила крестовая палата. В замке ее свода заложен камень с изображением креста и вырезанной вокруг него надписью: «Написан сий святой и животворящий крест в лета 7165 (1657) году тогож лета и палата та посправлена». Интерьеры дома, который один из заезжих иноземцев назвал «лучшим во всей Москве», удивляли роскошью и необычными для старомосковского быта новшествами. В окнах сверкали немецкие витражи, стены украшали картины и ковры, в залах стояла красивая мебель: шкафы, столы, стулья. К дому примыкал прекрасный сад. Аверкий Кириллов заново отстроил соседнюю церковь Святой Троицы и соединил ее крытым переходом со своими палатами. В своей судьбе хозяин жил широко, открыто, явно не по Домострою, а как светский человек наступающего Нового времени...

Увы, в этом Эдеме спокойно дожить свой век Аверкий Кириллов не смог. 16 мая 1682 г., на второй день знаменитого московского восстания, мятежные стрельцы добились выдачи думного дьяка и тотчас же в Кремле расправились с ним, объяснив это тем, что тот якобы «со всех чинов людей велики взятки имал и налогу всякую и неправду чинил». Став жертвой общественно-политических коллизий, Аверкий Кириллов разделил судьбу многих обитателей Берсеневки – от боярина Ивана Беклемишева до высокопоставленных жителей Дома на набережной.

Убиенного похоронили при церкви Святой Троицы. Вскоре там же упокоилась и его вдова. Усадьбу унаследовал сын Аверкия Яков, тоже «гость» и думный дьяк, а после смерти – вдова его Ирина. Ее второй муж, известный деятель петровского времени, дьяк Оружейной палаты А.Ф. Курбатов, в начале XVIII в. перестроил палаты на Берсеневке. Именно тогда они приобрели облик, который в основном сохранился до наших дней. Вместо деревянных теремов появился каменный верхний этаж, парадный фасад приобрел симметричную композицию и богатую отделку в стиле барокко. Творение его выдает руку маститого зодчего. Предполагается, что им мог быть Михаил Чоглоков, строивший в Кремле Арсенал под смотрением того же Курбатова. Называют также имена других архитекторов – Ивана Зарудного, Доменико Трезини, Доменико Фонтаны.

Последним частным владельцем усадьбы был надворный советник А. Зиновьев. Затем здесь квартировали различные казенные учреждения: контора Камер-коллегии, Корчемная и Межевая канцелярии и т. д. Долгое время в палатах размещалась команда курьеров московских департаментов Сената. Москвичи называли древнее здание Курьерским домом. Палаты ремонтировались и в XVIII в. под надзором архитектора князя Д. Ухтомского и в XIX в. А. Назаровым, но постепенно ветшали.

Достойное применение им нашлось лишь в 1870 г., когда в них вселилось Московское императорское археологическое общество. Сухое академическое название лишь отчасти отражало суть этой почтенной организации. Созданная в годы общественного подъема, «великих реформ», она объединила широкий круг просвещенных людей, убежденных в необходимости скрупулезного изучения прошлого России для понимания ее настоящего и предназнача-

ния будущего. Среди многочисленных членов общества, действовавшего первоначально под руководством А.С. Уварова, были выдающиеся историки М.П. Погодин, С.М. Соловьев, И.Е. Забелин, В.О. Ключевский, художник И.С. Остроухов, архитекторы Ф.Ф. Горностаев, И.П. Машков, писатели Д.В. Мамин-Сибиряк, П.И. Мельников-Печерский... Естественно, большое внимание уделялось археологии, но также и изучению письменных источников, памятников архитектуры. В 1909 г. при обществе была создана Комиссия по изучению старой Москвы – первый центр московедческих исследований. Сначала в нее вошло всего несколько человек, но впоследствии число членов достигло нескольких сотен. В работе комиссии принимали участие А.А. Бахрушин, С.К. Богоявленский, П.В. Сытин, В.А. Гиляровский, А.В. Чаянов, В.В. Згура...

Купола церкви Святого Николая Чудотворца на Берсеневской набережной

Московское археологическое общество благополучно дожило до советского времени и было закрыто в 1923 г., но древние палаты на Берсеневке продолжили свое служение культуре и науке. Второй этаж заняли Центральные государственные реставрационные мастерские. Внизу разместился Институт по изучению языков, и востоковеды покинули здание, и в нем на много лет поселился обслуживающий персонал Дома правительства. Затем в палаты Аверкия Кириллова въехал Научно-исследовательский институт культуры. Сейчас здесь НИИ культуры.

Всего несколько метров неширокого прохода отделяют палаты Аверкия Кириллова от церкви Святого Николая Чудотворца на Берсеневке. Храм – одно из чудес старой Москвы, благодаря которым она и по сей день зовется Златоглавой. Его сравнивают с расписной народной игрушкой, называют хрестоматийным образцом «дивного узорочья» XVII в. Поднятый на высокий подклет, он увенчан традиционной горкой кокошников, одной световой и четырьмя глухими главами. Шестая и седьмая главки возвышаются над боковыми приделами. Северный фасад украшает паперть с фигурным крыльцом. Декоративное убранство храма исключительно выразительно: аркатурно-колончатый «шнурованный» пояс на барабанах глав, угло-

вые полуколонки, сказочного рисунка «корунные» наличники окон, многоцветные изразцы с двуглавыми орлами, подобные тем, что украшают палаты Аверкия Кириллова. К основному объему церкви примыкает не столь выразительная трапезная начала XIX в. Она выглядит чужеродным элементом композиции без возвышавшейся до 1930-х гг. перед ней 42-метровой колокольни, которая, словно мачта, осеняла церковный «корабль». Ныне колокола звонят со скромной деревянной звонницы в саду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.